

Н. Брешко - Брешковскій

РУКОЮ ПАЛАЧА

РОМАН

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ОРИЕНТ“
РИГА, УЛИЦА СВОБОДЫ № 36
Тел. № 2-1-6-1-5.

Отпечатано въ типографіи М. МАХТЕНБЕРГА
Рига, Маринская улица № 8

Часть I..

Под свѣтящимися крыльями Мулен - Руж.

— Революція в Кордуэлъ! Большая революція в Кордуэлъ! — слыно надрывался простуженный голос, предлагавшій вечернія газеты и заманивая покупателей в Кордуэлъ.

Но что за дѣло залитому огнями, веселящемуся Монмартру до какой - то далекой южно-американской республики? Там так много республик и так часты в них всевозможные перевороты. За всѣми не услѣдишь...

А что Кордуэла превосходит Францію в пять раз своей территоріей и насчитывает девятнадцать милліонов населенія, так что же из этого?

Россія гораздо ближе, чѣм Кордуэла и не в пять раз, а в пятьдесят больше Франціи и населеніе в ней не девятнадцать, а сто сорок милліонов, и революція там не со вчерашняго дня, а уже одиннадцатый год, но развѣ это хоть сколько нибудь мѣшает вертѣться электрическим крыльям мельницы, которую знает весь мір, которая зовется Мулен-Руж, которая чуть-ли не весь квартал зажигает красным, теплым заревом и к которой подкатывает вереница автомобилей?

И пусть надрывается оснишій, голодный и небритый субъект;

— Революція в Кордуэлъ! Большая революція!

Бѣдняга дѣлает удареніе на словѣ „большая“. В этот момент его чуть не сбил с ног роскошный автомо-

били с нѣсколькими мужчинами. Да, их было нѣсколько, но всё они скромный фон, чтобы лучше отгнать и подчеркнуть бритаго, раскормленного господина, с большим носом и наглым актерским лицом. К нему подскочил негр, почти карлик, одѣтый во все красное и засверкав желтыми бѣлками глаз и ослѣпительными зубами, бережно подхватил его под локоть.

— Двадцать франков ему! — обратился господин с большим носом к своим спутникам. Он считал ниже своего достоинства давать собственноручно чаевые. Пока кто-то из его свиты награждал маленького негра, бритый, с актерским лицом господин, затянутый в смокинг, неся грудь вперед, покачивая широкими бедрами и держа в рукѣ черное, легкое пальто уже поднимался по широкой лѣстницѣ музик-холя.

Сзади в спину ему несло: „Революція в Кордуэль!“ а спереди искательно бросился один из директоров.

— Господин граф, мы очень рады!

Но сквозь это „мы очень рады“ на вылощенном, безстрастном лицѣ директора угадывалось благовоспитанное удивленіе.

Как же это так, в самом дѣлѣ? Всѣ воробы на всѣх крышах сегодня чирикают о революціи в Кордуэль, а кордуэльскій посланник генерал Мигуэль Серпа-Пинто, граф Оккю-дель Корва как ни в чем не бывало пріѣхал смотреть новое ревю? . . .

Но, может быть, это своя политика, и кто их берет, этих господ дипломатов?

— Граф останется доволен новым ревю. Туалет нашей богини — что-то небывалое по роскоши! Он влетѣл в четверть милліона!

Директор под „богиней“ разумѣл Мистингет, и генерал Серпа-Пинто так его и понял.

Не только одного директора удивило появленіе кордуэльскаго посланника в театрѣ.

Удивились этому всѣ, кто знал его и видѣл сейчас в полумракѣ ложи, видѣл бѣлѣвшій пластрон рубашки,

видѣл уже по другому тѣлесно бѣлѣвшес лицо, видѣл уголек вспыхивавшей сигары.

А знали генерала Серпа-Пинто многіе. Он был извѣстен в Парижѣ, как очень богатый человѣкъ, живущій в свое удовольствіе. В мюзик-холах и в ночных ресторанах он был весьма популярен.

Этой популярности он добивался вначалѣ. Вскорѣ он ею пресытился.

Страстным, мучительным желаніем было попасть в высшее общество, в тот особый, голубой крови и бѣлой кости „интернаціонал“, что держится замкнуто, как древняя каста и куда не легко попасть, даже имѣя миллионы и титул папскаго графа, каковой уже около года носил кордуэльскій посланник.

Давно-ли он был всего Серпа-Пинто? Давно-ли? Но когда женился на вдовѣ нефтяного короля Кристинѣ Васкец, вѣрнѣе, заставил ее выйти за себя, и овладѣл ея несмѣтным богатством, он рѣшил сдѣлаться графом, или, на худой конец, даже бароном.

На его счастье, от бывших земель Папской Области случайно как-то уцѣлѣл скалистый маленькій островок в нѣскольких милях от Чивитта-Веккіа. Островок этот назывался зловѣще и в то же время довольно поэтически: Оккіо-дель-Корва. В переводѣ с итальянскаго — „Вороній глаз“. Любопытно, что даже при дворѣ Его Святейшества позабыли о существованіи этой голой скалы. Серпа-Пинто зналъ по опыту: иногда лучше дѣйствовать снизу, чѣм сверху. И начал дѣйствовать через скромнаго ватиканскаго чиновника, являвшаго собой ходячій архив.

И вот ходячій архив этот сыграл роль миниатюрнаго Колумба, открыв позабытый, затерявшійся клочек папской территоріи. И сам же еще подсказал своему щедрому кліенту:

— А теперь вам надо поговорить с кардиналом Звампою. . .

Серпа Пинто „поговорил“ с кардиналом Звампою,

бывшим архіепископом Болоньи и едва-ли не самым красивым из князей католической церкви.

Серпа-Пинто за двѣсти тысяч итальянских лир купил пустынный островок вмѣстѣ с патентом на графскій титулъ. Он сдѣлался, так сказать, владѣтельным графом Оккіо-дель-Корва.

На визитных карточках это звучало эффектно, слов нѣтъ, но все-же двери тѣх салонов, куда так стремился попасть вновь испеченный граф, остались для него закрытыми наглухо.

В этих салонах біографія генерала Серпо-Пинто была небезызвѣстна. В этих салонах знали, что карьеру свою начал он у себя на родинѣ подмастерьем брадобрея, затѣм попробовал свои силы на кафе-шантанных подмостках, затѣм уѣхал в Париж учиться не то пѣнію, не то живописи. Учился молодой кордуэлец мало. Больше шатался по Монпарнасу и правился не только женщинам, но и мужчинам. Это дало ему возможность спуститься из убогой мансарды в уютную гарсоньеру.

Основательно обобрав какую-то увядшую англичанку, он с большим брилліантом на мизинцѣ вернулся к себѣ на родину. К этому времени диктаторская власть в Кордуэлѣ была в руках „идейнаго“ бандита Вергары. Вергарѣ приглянулся молодой человек с бритым актерским лицом, и новая карьера, военная, открылась перед Мигуэлем Серпа Пинто.

Вергара сразу сдѣлал его поручиком. Таких поручиков безо всякой профессиональной подготовки было, вообще, много в кордуэльской арміи, Вергара же расплодил их еще больше.

Потом Вергара был нѣсколько лѣтъ не у дѣла. Потом он сверг президента Порфирио Сантоса и сам занял его мѣсто. Засидѣвшійся в капитанах Серпа-Пинто сразу был произведен в полковники, а к тридцати двум годам надѣл генеральскіе эполеты и получил высокій дипломатическій пост в Парижѣ.

И вот благодѣтель его Антонио Вергара опять свергнут. Власть в руках еще болѣе темнаго типа, Моралеса. Моралес успѣлъ в первый же день разстрѣлять двух епископов и около тридцати прелатов и священников... А кордуэльскій посланник генерал Серпа-Пинто, ватиканскій граф Оккио-дель-Корва, дымя душистой гаванной, переваривая тонкій обѣд, смотрит из своей логи на гирлянды женских тѣлъ, то не прикрытых ничѣм, то разукрашенных яркими тканями, парчею, перьями и еще чѣм-то и напоминающих не то гигантскіе яркіе цвѣты, не то живыя, нарядныя куклы.

Чѣм же обяснить такое странное отношеніе генерала Серпа-Пинто к перевороту в его странѣ?

Это мы обясним в свое время и на своем мѣстѣ, а пока взглянем в ложу, сосѣдную с ложею графа.

2. Графиня Эулалія Мирамон.

В этой ложѣ сидѣла с тремя мужчинами графиня Эулалія Мирамон, маркиза дн Гуадалахара.

Третій сезон Эулалія считалась одной из самых очаровательных женщин. Это уже очень много. Измѣчивой, капризный Париж часто мѣняет свои вкусы и моды . . .

Черная „венера“, Жозефина Бекер, — она ли не была кумиром? Ей ли не поклонялись, как идолу? А гдѣ она теперь, Жозефина Бекер со своими бананами, перьями, со своим трясущимся задом, и развѣ не позабыта она уже весьма основательно?

Графиню Эулалію нельзя было назвать не только красавицей, но и даже красивой в принятом значеніи слова. У нея не было правильных черт, а внѣшніе углы ея сѣро-зеленых глаз были приподняты к вискам. И эта оригинальность восхищала всѣх тѣх, кто склонен был восхищаться этой высокой и гибкой женщиной с узкими плечами и удлиненным породистым лицом.

Хотя Эулалія испанка не только по мужу, скончавшемуся нѣсколько лѣтъ назад, а и по рожденію, по крови. но ничего отличительнаго, испанскаго не было в ней. Европейская аристократія, в силу смѣшанных браков в своей средѣ на протяженіи цѣлаго ряда поколѣній, — больше всего интернаціональна. И почему венгерскіе магнаты, берущие себѣ в жены англійских герцогинь, должны имѣть сыновей и дочерей скуластых и смуглых венгров? И почему дѣти Радзивиллов и Потоцких, породнившихся с Габсбургами и Бурбонами обязаны быть характерными поляками и польками по внѣшности?

Так и Эулалія. Дальній предок ея Луис Мирамон, знаменитый конквистадор, поднесшій Филиппу IV значительную часть Южной Америки, ставшей впослѣдствіи Кордуэлой, за свои заслуги удостоен был графскаго титула и званія испанскаго гранда. И уже он, Луис сочтлся браком с французскою принцессою, и послѣ этого Мирамоны часто роднились с португальскими, англійскими, польскими и бельгійскими домами.

Но, утратив внѣшній національный тип, Эулалія была пламенною патріоткой. Она скорбѣла о тѣх ушедших вѣках, когда во владѣніях испанской короны „никогда не заходило солнце“ . . .

Эксцентричностям и прихотям Эулаліи не было конца. Она пускалась в самыя рискованныя эскапады, заглядывая в такія трущобы, куда самыя смѣлые мужчины слѣдовали за нею с замираніем сердца.

Нѣсколько мѣсяцев назад она прослышала, что в Лондонѣ у кого-то имѣется замѣчательный попугай. Этому попугаю сто пятьдесят посемь лѣтъ. Когда-то он был собственностью маршала Нея и с ним любил играть Наполеон.

Один из поклонников Эулаліи, банкир Генрих Шейман, ѣхал в Лондон на какой-то важный финансовый конгресс.

Эулалія сказала ему:

— Если вы хотите меня видѣть, не возвращайтесь без Наполеоновскаго попугая!